

**ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассмотрена трудовая миграция многонационального крестьянства Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. Прослежено влияние отходничества на экономику деревни, ее быт, нравы и духовные ориентиры.

Ключевые слова: Среднее Поволжье; отходничество; крестьянство; новации; молодежь.

Временные трудовые миграции составляли неотъемлемую часть жизни средневожской деревни второй половины XIX — начала XX в. В условиях прогрессирующего аграрного перенаселения и растущего малоземелья крестьяне все меньше довольствовались хозяйствованием только на земле. Число отходников в эпоху капиталистической модернизации с каждым новым десятилетием неуклонно росло. Масштаб данного явления в регионе в этот отрезок времени может быть очерчен по материалам так называемой Комиссии центра, высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. По ее данным, количество проданных хлебопашцам билетов и паспортных бланков выросло (в среднегодовом исчислении): в Казанской губернии — с 15,2 тыс. в 1861—1870 гг. до 147,8 тыс. в 1891—1900 гг.; в Симбирской губернии — соответственно с 15,6 тыс. в 1861—1870 гг. до 139,5 тыс. в 1891—1900 гг.² Уход крестьян в отхожие промыслы шел по нарастающей и в начале XX в.

В трудовой миграции принимали участие главным образом крестьяне рабочего возраста. Труд детей и подростков был востребован в пастьбе скота, сборе тряпья, а также в прочих хозяйственных занятиях, где не требовалась сколько-нибудь высокая квалификация. Во временных сезонных работах вне мест постоянного проживания они сплошь и рядом выступали в качестве подручных мужчин более старших возрастов. В с. Моргауши и его округе, входивших в Козьмодемьянский уезд Казанской губернии, к примеру, «мужики преклонных лет» и мальчики-подрост-

---

¹ Николаев Геннадий Алексеевич, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, nicga50@ Rambler.ru, Россия, г. Чебоксары.

² Материалы высочайше учрежденной 15 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1903. Ч. 1. С. 222.

ки уходили в Костромскую губернию наниматься в пастухи, где они в паре за лето зарабатывали от 70 до 100 руб. и более¹. Работоспособные старики чаще всего нанимались в сторожа и дворники. Подростков и стариков можно было встретить и в среде сельскохозяйственных рабочих. В 1880-х гг. в татарских деревнях Степное Озеро и Кривое Озеро Чистопольского уезда Казанской губернии, к примеру, жители, «начиная с ребенка 12—13 лет, и кончая старичками, еле передвигающими ноги», в страду в Самарской и Оренбургской губерниях занимались, как они сами выражались, «бурлачеством»: косили сено, жали зерновые и молотили хлеб [2, с. 12].

На отхожие заработки главным образом уходили мужчины. В 1910 г. в Казанской губернии доля мужчин в составе отходников составляла 88,7 %, женщин — 11,3 %². Перечень хозяйственных занятий, которыми добывали себе хлеб насущный женщины вне мест постоянного проживания, на порядок был короче, чем у мужчин. Обычно девушки, бездетные вдовы и замужние женщины нанимались в кухарки, горничные, няньки, прачки, продавцы и на прочие подобные работы. Некоторые из них, как свидетельствуют современники, оказывались и «в наложницах» у нанимателей³. В начале XX в. в среде выехавших на заработки женщин были и лица, трудоустроившиеся на фабриках и заводах⁴. Практиковался в средневолжской деревне, хотя и нечасто, также уход на заработки целыми семьями. В Симбирской губернии, к примеру, в 1910 г. доля паспортов, выданных мужчинам, составляла 87,2 %, женщинам — 9,9 %, отдельным семьям — 2,9 %⁵. Обычно глава молодой семьи, трудоустроившись на новом месте, приглашал к себе и жену. Имел место выезд семей на заработки и в один прием. В зимнее время, распродав весь имеющийся скот и закрыв на замок избы, некоторые крестьяне Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии «целым семейством» отправлялись в г. Тетюши, с. Абызово Ядринского уезда, а также в населенные места Курмышского уезда Симбирской губернии, где они в особо устроенных помещениях ткали кули⁶.

Отходники были представлены всеми социальными группами деревни. Зажиточные в их среде составляли меньшинство. Так, в 1884 г. в Кармышской волости Казанского уезда одноименной губернии в татарских деревнях земской подворной переписью были зарегистрированы 493 домохозяйства с отхожими заработками. Из их

---

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее — НА ЧГИГН). Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 263. Инв. № 5982. Л. 353.

² Подсчитано по: Обзор Казанской губернии за 1910 год. Казань : Тип. губерн. правления, 1912. С. 36.

³ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Казанская губерния. Спасский и Лаишевский уезды. Казань : Центр русского фольклора, 2017. Т. 9. С. 123.

⁴ Подворная перепись Симбирской губернии 1910—11 гг. Курмышский уезд. Симбирск : Тип. А. П. Балакирищикова, 1914. Вып. 6. Раздел IV : Промыслы наличного населения. С. 165.

⁵ Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1910 год. Год первый. Симбирск : Тип. «Работник» Ненастьева, 1912. Отдел II (таблицы). Ч. 2. С. 140.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 184. Инв. № 5216. Л. 248.

числа только 26 семей, или 5,3 %, имели три и более лошадей¹. Крепких крестьян вполне устраивали доходы, которые они получали в своем сельском обществе и его округе. За пределы своих сельских обществ они выезжали, как правило, преследуя цель организовать собственное дело, в чем нередко преуспевали. Бедноту, являвшую собой основную массу отходников, на заработки гнала нужда. Вырученные ими на стороне средства шли прежде всего на уплату недоимок и податей, покупку хлеба и удержание на плаву пошатнувшихся хозяйств. Экономический строй отсутствующих крестьянских семей Симбирской губернии в материалах земской подворной переписи 1910—1911 гг. характеризуется, в частности, следующими параметрами: 35,2 % семей не имеют земли, 49,0 % — сдают свои наделы и купчие земли в аренду, 48,2 % мужчин и 3,9 % женщин круглый год заняты промыслами [3, с. 294]. У середняков был свой резон искать источники дохода на стороне: поднять на новую качественную ступень свое хозяйство, укрепить его материально-техническую базу.

В географическом плане в отхожие промыслы чаще уходили крестьяне населенных мест, расположенных при больших трактах, вблизи железных дорог и в прибрежной полосе судоходных рек. Жители бассейна Волги и Суры в Казанской и Симбирской губерниях являли собой преимущественно лоцманов, матросов, водолибов, рабочих на судах, кочегаров и масленщиков на пароходах. Крестьяне с. Кушниково и его округи Чебоксарского уезда Казанской губернии на рубеже XIX—XX вв., к примеру, имели следующие посторонние заработки. Ежегодно с марта по октябрь часть молодых мужчин здесь переправлялась за р. Волгу, в пос. Звениговский Затон, где занималась в пароходное общество «Дружина» в качестве матросов на пароходы и баржи, «заживая» за сезон по 50—60 руб. на человека. С освобождением Волги ото льда основная часть оставшихся мужчин также переправлялась на левобережье, на реки Большая Кокшага и Малая Кокшага, где устраивалась на работу к предпринимателям сплавщиками и грузчиками леса, зарабатывая «в счастливую весну» до 30 руб. на человека. В летние месяцы многие мужчины пополняли семейный бюджет еще сгоном плотов в понизовые города, в частности, в Самару, Хвалынский и Астрахань, промером и расчисткой фарватеров судоходных рек Российской империи².

На отхожие промыслы уходили все этнические группы крестьянского населения — русские, татары, марийцы, мордва, чувашаи и удмурты. Чаще промыслили вне сельских обществ жители татарских и русских деревень, в отличие от этнических партнеров, более пролетаризированные и имевшие меньшие наделы земли. Доля семей, отпускавших своих членов в отхожие промыслы, в среде мордвы, чувашей, марийцев и удмуртов была заметно меньше. В «медвежьих углах» выезд «инородцев» на заработки сдерживался незнанием русского языка или плохим его владением. В отличие от крестьян других национальностей, татары и русские чаще устраивались на работу в городах [3, с. 294, 295].

Трудовые миграции оказывали двоякое влияние на экономическую жизнь деревни. Вырученные на отхожих промыслах денежные средства позволяли многим се-

---

¹ Подсчитано по: Кармышская волость по подворной переписи 1884 года // Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Казанский. Казань : Тип. Г. М. Вечеслава, 1887. Вып. 3. Приложения. С. 4, 7.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд К. В. Элле. Ед. хр. 636. Инв. № 9096. Л. 91.

мьям сохранять устойчивость своего хозяйства. Части из них удавалось поднять его и на новый качественный уровень. В начале XX в. практически все мужское население д. Чирикеево Симбирского уезда одноименной губернии с августа по январь было занято валкой теплой обуви в Оренбургской и Самарской губерниях. На место промысла они отправлялись партиями в 6—7 чел., куда входили: наниматель — члены артели величали его старшим, двое-трое молодых и столько же опытных вальщиков. За сезон подмастерья зарабатывали 15—20 руб., взрослые — 50—60 руб., а старшие — 120—150 руб. Вырученные в отходе деньги ими расходовались исключительно на крестьянское хозяйство: «Производят постройки, арендуют землю»¹. Крестьяне с. Большая Акса Буинского уезда Симбирской губернии привозили хорошие заработки с каменноугольных копий Екатеринославской губернии и золотых приисков Иркутской губернии, где обычно трудились по 2—3 года. Как отмечает современник, за крестьянином данного села, первым побывавшим в 1890-х гг. на золотых приисках и впоследствии разбогатевшим — «живет теперь очень богато», закрепилось прозвище-фамилия «Золотов»². В 1911 г. в д. Азбаба Свияжского уезда Казанской губернии насчитывалось 47 отходников. Они трудились на нефтяных промыслах г. Баку и г. Грозный, цементном заводе г. Ростов-на-Дону, в порту и на заводах г. Батуми. Вырученные средства, а они были вполне сносными — так, занятые на нефтяных промыслах лица получали не менее 25 руб. в месяц, крестьяне тратили на покупку земли, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, кровельного железа и на прочие хозяйственные нужды. Неземледельческие отхожие промыслы хлебопашцы успешно сочетали с хозяйствованием на земле: собирали хорошие урожаи зерновых, содержали «много» скота, преуспевали также в огородничестве, а некоторые — и в садоводстве. Весьма примечательная деталь. Сами домохозяева здесь редко покидали деревню. На отхожие промыслы ими отправлялась главным образом молодежь³. В среде жителей с. Большие Савруши Мамадышского уезда Казанской губернии широко практиковался портняжный промысел. Многие из них трудились вдали от родных очагов — в Уфимской, Пермской и других губерниях. В начале XX в. только в городах Омск и Иркутск промышляло по 20 крестьян. Имея по 15—20 учеников, портные-отходники получали приличные доходы: «Нажив себе достаточные средства на всю жизнь... чуть ли не все стали торговцами»⁴.

Выезжая на заработки, крестьяне обогащали свой жизненный опыт, расширяли кругозор, овладевали новыми профессиями, открывали для себя, а опосредованно — и односельчанам, бескрайний внешний мир. В 1899 г. корреспондент «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева Тихон Иванов из с. Три Озера (Рождественское) Спасского уезда Казанской губернии сообщал: «Крестьяне, возвращающиеся из от-

---

¹ НА ЦГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 272. Инв. № 5994. Л. 243.

² Там же. Ед. хр. 271. Инв. № 5990. Л. 112, 113.

³ Там же. Ед. хр. 208. Инв. № 5695. Л. 96—98.

⁴ Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских курсов (педагогического техникума) (1920—1922 гг.) : сб. мат. и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р. Р. Исхаков, Г. А. Николаев. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. С. 116, 117.

лучки, преимущественно рассказывают подробно, где они были, в каких городах, местностях. Где что видели: какие машины, мельницы, пароходы, гостиницы, жизнь городскую, шумную, веселую, беспокойную. Где какой народ живет, как живет, чем занимается, какой надел имеют, как знают ремесла, занятия, что они дают им, сравнивают жизнь здешнего народа с жизнью того народа, где они были»¹. Выезд на заработки за пределы малой родины для уроженца д. Новопоселенная Асхва Цивильского уезда Казанской губернии Павла Аделеева стал образом жизни. В разное время он трудился в Верхнем, Среднем и Нижнем Поволжье, Зауралье, Прибайкалье, Подонье и Малороссии. За годы отлучки из родных мест чувашский крестьянин сносно овладел русским и украинским языками. Пребывание в инокультурной среде пробудило в хлебопашце интерес к происхождению и этнической истории соплеменников. Так, в письме к историку и этнографу Н. В. Никольскому от 30 марта 1916 г., аргументируя свое мнение о возможной миграции пращуров на Волгу из Восточной Европы, он указывает на схожесть некоторых чувашских обрядов и поверий с таковыми у украинцев и белорусов, отмечает наличие в лексиконе чувашей украинских и немецких слов, допускает, что предки этноса в прошлом могли иметь контакты с чехами и сербами. Из корреспонденции также узнаем, что ее автор знаком с болгарской теорией происхождения чувашского народа².

В повседневный быт деревни крестьяне-отходники вносили немало новаций. Новые агротехнические приемы, ремесла и навыки, освоенные и полученные ими на местах найма, по возвращении на место постоянного проживания использовались на практике. В своем большинстве они и внешне, и по поведенческому стереотипу, и по предпочтениям, и по кругозору отличались от остальных хлебопашцев. Молодые трудовые мигранты возвращались на свою малую родину, как правило, в новом костюме и обуви: «Каждый из них старается приобрести суконный пиджак, тринадцатирублевые сапоги, калоши»³. Жители с. Верхний Услон Свияжского уезда Казанской губернии своих односельчан по роду занятий делили на две группы — «пахарей» и «бобылей». В разряд первых ими включались домохозяева, занимающиеся хлебопашеством, животноводством, садоводством и огородничеством, в разряд вторых — семьи, добывающие средства для жизни преимущественно или исключительно отхожими промыслами. Как отмечает современник, «бобыли», резко отличаясь от соседей-пахарей «своей речью, одеждой, домашней обстановкой, привычками», старались, «по возможности, стать во всех отношениях на один уровень с городскими жителями»⁴.

Трудовые миграции оказывали и негативное влияние на сельский социум. Средства, добываемые на отхожих промыслах, не всегда позволяли хлебопашцам в должной мере поддерживать свое хозяйство. Не каждый выезд на заработки приносил

¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. С. 119.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 285. Инв. № 6054. Л. 73—76.

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР). Ф. 257. Оп. 1. Д. 62. Л. 38.

⁴ Приволжские города и селения в Казанской губернии. С картой р. Волги и рисунками. Казань : Тип. губерн. правления, 1892. С. 101.

ожидаемые доходы. Довольно часто вместо денег на место приписки отлучившихся шли тревожные письма: «Советую вам, женушка, продать последнюю телку, потому как на нас надежда очень плохая; заработков никаких не можем найти, не то, что сами очень шибко поджились, а работ по близости времени никаких не предвидится»¹. Не все отходники оправдывали возлагаемые на них домочадцами надежды. Они, ссылаясь на разные обстоятельства, случалось, прекращали финансовую поддержку членов семьи. Были и такие, кто сорил на месте найма деньгами, пропивал заработанное². Чаще всего бросали деньги на ветер молодые люди. О подобном их поведении на отхожих земледельческих заработках в Самарской и Оренбургской губерниях в 1880-х гг. современник, в частности, пишет: «...молодежь в степи развращается: дома не смеют, а в степи — пьют водку» [2, с. 14]. Часть отходников и после возвращения на малую родину вела праздный образ жизни, пропивая и проедаая вырученные средства³. Русская пословица гласит: «На ветер надеяться — без помолу быть» [1, с. 32]. Отходники, возлагая большие надежды на заработки вне земледелия, не всегда обращали должное внимание на ведение своего полевого хозяйства⁴.

Поведенческий стереотип выехавших на заработки крестьян часто менялся в худшую сторону. Многие из них приучались к пьянству, распутному образу жизни. Из чувашского села Балдаево Ядринского уезда Казанской губернии сообщалось: «Излюбленным местом искания работ служит г. Нижний Новгород. Обыкновенно отправляется неженатый член семьи, молодой парень. Трудно сказать — служит ли подспорьем для дома такой отход члена семьи, да еще в страдную пору: во многих случаях, кажется, можно сказать, что он влияет отрицательно. Вред есть. Традиционный кафтан у парня заменяется пиджаком, жилетом при цепочке, без часов, сапогами... Вместе с этим проникает и трактирная цивилизация, так что теперь не редкость в деревне встретить нравственно и физически искалеченных парней-мужиков»⁵.

В начале XX в. отходничество стало питательной базой для пустившего в деревне корни опасного социального недуга — хулиганства. Оно проявлялось прежде всего в нарушении общественной тишины, исполнении непристойных песен, в ночном шатании пьяной молодежи, порче построек непристойными надписями, битье окон, нанесении оскорблений словами, посягательстве на личную неприкосновенность и имущество, неуважении старших, драках и т. д. «Вред от хулиганства очень велик. Кроме уличных безобразий бывает много воровства и озорства: у кого телегу и сани со двора увезли и где-нибудь в тину или воду бросили; у кого скот и птицу со двора согнали; у других в огородах все опустошили; а где и хлеб из житниц утащили да пропили в шинках, которых в каждом селе и деревне очень много»⁶, — жаловался со-

---

¹ Симбирская жизнь. 1911. № 73. С. 4.

² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. С. 123.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 263. Инв. № 5982. Л. 354.

⁴ Приволжские города и селения в Казанской губернии. С картою р. Волги и рисунками. С. 71.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд К. В. Элле. Ед. хр. 637. Инв. № 9701. Л. 46, 46 об.

⁶ Казанская газета. 1912. 9 дек. (№ 50). С. 8.

временник. Подобное непристойное поведение чаще было присуще отлучавшимся на заработки молодым людям. «В среду прихожан склонность к порочной жизни заносится со стороны теми лицами, которые уходят на сторону, на заработки, где они сходятся с людьми разных наций, званий и сословий, ведущими порочную жизнь, и перенимают от них худые поступки. По прибытии на родину они рассказывают своим односельчанам, что видели на стороне, что делается в других местах. Сами они ведут буйную жизнь, пока находятся на родине, выставляя себя знатоками всего, не признают никаких властей, стараются склонить к тому же других», — читаем текст за 1910 г. в летописи Петропавловской церкви с. Старые Шигали Цивильского уезда Казанской губернии¹.

Выезжая на заработки, хлебопашцы оказывались вне социального пространства семей, крестьянского «мира» и приходов. Им, занятым на месте трудоустройства дено и ночью на работе, часто было недосуг молиться, исполнять религиозные обряды и посещать учреждения культа. В подобной ситуации в среде части трудовых мигрантов, прежде всего молодежи, росло охлаждение к исповедуемой вере. Такие лица и после возвращения на малую родину мало посещали храмы и мечети, а случалось, и вовсе сторонились их². В 1911 г. священник с. Кувакино Алатырского уезда Симбирской губернии Иоанн Преображенский, надо полагать, не без досады, внес в приходскую церковную летопись следующую запись: «...молодежь же индифферентна и смеется над „попами“, особенно те из них, которые побывали на стороне, особенно в Баку, откуда приходят прямо головорезы, не признающие никакого авторитета»³. Служитель культа, оценивая религиозно-нравственное состояние своих прихожан, не сгущает краски. Отдельные отходники примыкали к антиклерикальному движению. В некоторых местностях неприятие ими веры принимало крайние формы. Так, 12 ноября 1912 г. в с. Ичиксы Алатырского уезда был убит местный священник Петр Ясенский. Смертельные раны батюшке нанес местный житель Иван Нешинькин, 28 лет, высланный с Ленских золотых приисков во время происходивших там беспорядков. В ходе проведенного следствия выяснилось, что он и до совершения преступления не раз изрыгал «площадные слова на Бога, на церковь, на святых угодников, Крест Господен», а однажды им были сняты со стен и разбиты висевшие в доме иконы⁴.

Выезжая на заработки, крестьяне нередко оказывались в ином конфессиональном пространстве. Находясь длительное время в общинах «чужаков» и вступая в тесные контакты с ее членами, некоторые отходники, случалось, меняли свои духовные ориентиры. «Отступники» от веры в среде волжских трудовых мигрантов в основном были представлены крещеными татарами. Проживая на малой родине в соседстве с татарами-мусульманами, данная этноконфессиональная группа испытывала сильное культурное влияние последних. За пределами сельских обществ, чтобы получить работу у башкир и татар-мусульман, они вынуждены были прибегать к этнокультур-

¹ ГИА ЧР. Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 272. Инв. № 5994. Л. 245.

³ ГИА ЧР. Ф. 257. Оп. 1. Д. 62. Л. 41 об.

⁴ Симбирские епархиальные ведомости. 1913. № 1. Отдел неофициальный. С. 32—34, 36, 38.

ной дипломатии. Промышлявшие портняжничеством у мусульман Уфимской и Оренбургской губерний крещеные татары приезжали в их деревни коротко стриженными, в тюбетейках, посещали на месте найма мечети. В этих условиях многие из них стали тяготиться православием: чтобы не жить постоянно на два конфессиональных дома, они принимали ислам¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : Эксмо ; ННН, 2003.
2. *Лаврский К.* Татарская беднота : Статистико-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии / К. Лаврский. — Казань : Тип. губерн. правления, 1884. — 43 с.
3. *Николаев Г. А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX — начале XX века: этюды по истории и этнологии / Г. А. Николаев. — Чебоксары : ЧГИГН, 2016. — 312 с.

---

¹Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 134. Д. 63. Л. 17 об., 19, 20.